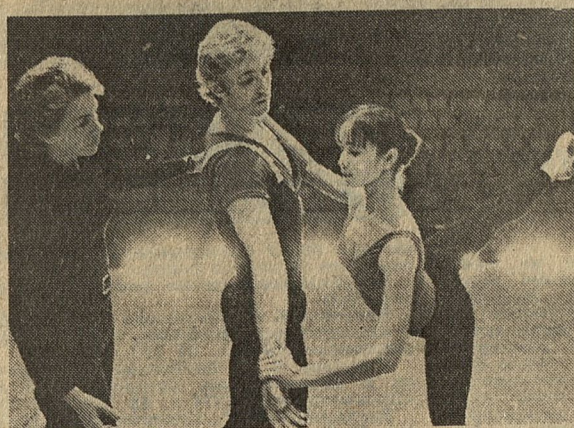

16 ЯНВ 1976

Французский балетмейстер Вера Боккардо готовит в Большом театре спектакль «Много шума из ничего» (музыка Тихона Хренникова).

В главных ролях заняты молодые актеры театра лауреаты Международного и Всесоюзного конкурсов артистов балета Надежда Павлова и Вячеслав Гордеев.

НА СНИМКЕ: репетицию с Н. Павловой и В. Гордеевым ведет В. Боккардо.

Фото А. КОНЬКОВА.
(Фотохроника ТАСС)

ЕЛКА и НАДЯ

Н. ПАВЛОВА и В. ГОРДЕЕВ —
В «ЩЕЛКУНЧИКЕ»

Елка — огромная. Сначала в гостиной — мерцающая рождественскими огнями. Потом — почти неузнаваемое дерево из страшного сна. Потом — серебряная, усыпанная новогодними снегами на городской площади...

Надя — маленькая. Хотя она, конечно, подросла со времен конкурсов — Всесоюзных и Международного. Хотя она, естественно, взрослеет. Однако черты воспитанницы Пермского училища и «первой ученицы» не исчезли бесследно. Однако старательность школьницы еще просвечивает в том, как трогательно-аккуратно выполняет она текст своей новой партии — в балете «Щелкунчик». Волнение воспитанницы, привыкшей получать по классике высший балл, нет-нет и обнаружится — то в незамаскированном страхе перед трудной комбинацией, то в отчаянном взгляде в сторону дирижера А. Копылова. Ведь только для тех, кто смотрит, восхождение Надежды Павловой — недавней сенсации, нынешней солистки Большого театра — безоблачно, безусильно.

А для той, кто танцует, — для самой Нади — восхождение весьма сложное. И время, переживаемое хрупким дарованием, — тоже не из простых. Впервые, наступила пора оправдывать и раннюю славу, и шумную популярность, и прошлые золотые медали, и прочие лавры. Во-вторых, совершился переход в коллектив новый, началась работа с совсем иными педагогами и совсем иными репетиторами. И, наконец, перспектива выступления в роли, уже имеющей исполнительскую традицию. Первая, никем не превзойденная Маша, созданная Екатериной Максимовой с такой поэтической одухотворенностью, с таким артистичным проникновением в лирику Чайковского. Пленительная в своей грации и чисто ленинградском академизме Людмила Семеняка. Резвая, бойкая, не чуждая озорства и до чрезвычайности любознательная героиня Нины Сорокиной. Перед такой «портретной галереей» любая дебютантка неизбежно почувствует и робость, и трепет.

В Наде Павловой незаметно было собой робости или особого трепета. Причина тому, вероятно, в совпадении «условий игры» с ее возрастом, ее внешностью. Успех ее воспринимался как логическое следствие таких совпадений. Кроме того, Павлова принадлежит к тем любимцам зала, которым заранее уготован успех — будем надеяться, что сие обстоятельство не помешает ей и впредь трудиться вдумчиво. С первого ее выхода на сцену неоспоримо и очевидно — Маша здесь самая младшая, самая наивная, самая открытая, самая непосредственная. И — самая жадная до удовольствий и забав. Нарядная кукла, которую она окидывает своими быстрыми, черными глазами, наряженная елка, механический «театр» Дроссельмейера — все ей вновь, все впервые, все — отменно. И радость, и свежесть первых впечатлений стремительно нарастает — чтобы взлететь звонко и высоко в миг знакомства с неказистой и потешной игрушкой (роль Щелкунчика — куклы исполняется Е. Ватулей с изящным, чуть ироничным комизмом).

В отличие от своих предшественниц, новая Маша не испытывает к уродцу ни сострадания, ни жалости. Она попросту не замечает его «непрезентабельного облика». Для Павловой Щелкунчик сразу прекрасен. И потому она так чутко, доверчиво вслушивается в безмолвный рассказ Дроссельмейера. И потому превращение Щелкунчика воспринимает как должное и ожидаемое. И потому даже концовка спектакля в интерпретации Павловой утрачивает тот оттенок эггической печали, который заложен в хореографии. Правда, безоблачная, ничем не затененная радость, которая торжествует в пробуждении новой Маши, несколько далека от философии музыки. Но подобная реакция тем не менее органична для сегодняшней Павловой: Она возвращается из своих сновидений

прежним ребенком, тянущимся к любимой игрушке и вовсе не научившимся задумываться над жизнью. Что ж, подобное истолкование роли у нее выглядит правомерным и возражений не вызывает. А неожиданная перестановка акцентов говорит о поиске своего, личного прочтения, следовательно, говорит в пользу новой исполнительницы.

Чем больше доверяется она собственной интуиции, чем больше осваивает задания своей новой исполнительской роли артистки СССР Марины Семеновской, исходя из своих конкретных возможностей и особенностей, тем интересней наблюдать за ее дебютом. Иногда ее сценическое поведение уязвимо. В переживаниях по случаю первого и второго появления Щелкунчика и Короля мышей, в ужасе при виде вырастания елки — нередко актерская экспрессия подменяется мимической гримасой. Нередко игровая и танцевальная стихии образа у Павловой пока существуют изолированно. Вероятно, в дальнейшем еще предстоит добиться теснейшего взаимодействия этих слагаемых роли: ведь даже самый успешный, горячо принятый публикой дебют означает лишь начало трудов, отданных новой партии. Ее танцевальный текст изложен Павловой отчетливо, красиво, бережно.

В сезоны, минувшие с первых совместных выступлений — конкурсных и концертных, Надежда Павлова и Вячеслав Гордеев образовали настоящий сценический дуэт. А поскольку балетная сцена вообще, Большой театр в частности, испытывают явную нехватку интересных и перспективных дуэтов, их творческая ценность многократно возрастает. Профессиональное взаимопонимание, общность взглядов на свои задачи, слаженность и точность поддержек — вот пока лишь самые очевидные достоинства новой балетной пары.

Достоинство и в том, что выступления с Павловой в свою очередь стимулируют профессиональный рост Гордеева. Конечно, такая «удобная», легкая и юная партнерша — находка для танцовщика. И не случайно, наверное, даже когда Гордеев выполняет самые сложные дуэтные фрагменты, на его лице не гаснет улыбка удовольствия. Но самое главное, что в танцах Гордеева появился дух «здорового соперничества» с балериной, забота об устойчивости поз, внимание к правильности позиций, упорная шлифовка техники — сама целеустремленность исполнителя достаточно красноречива. Гордеев определенно совершенствуется, и можно пожелать ему в будущем приобрести необходимый здесь, более ярко и явно выраженный артистизм, более утонченную манеру исполнения.

Общезвестна истина: культура и успех балетного спектакля не могут быть обеспечены даже первоклассным исполнением ведущих ролей. Равная стилистическая отточенность требуется и от солистов, и от кордебалета. К сожалению, предновогодний «Щелкунчик» (проведенный в рамках фестиваля «Русская зима») не отличался необходимой стилиевой чистотой. Довольно небрежный кордебалет Снежинок и финального Вальса, плохо отрепетированная кода Кукол, самовольное изменение отдельных хореографических штрихов, — все позволяет напомнить участникам спектакля, что сцена вообще, «Щелкунчик» в частности, требуют к себе уважения, серьезности и добросовестности.

Серьезность отношения к сцене, к профессии, к спектаклю — и на этом основан успех Павловой и Гордеева в вечер накануне Нового года.

Как сложится дальнейшая судьба Павловой? Какие роли ждут ее? Какие победы и какие сложности? Предоставим все времени, надеясь, однако, на необходимое расширение репертуара, вне которого невозможно нормальное развитие молодого таланта.

Е. ЛУЦКАЯ.